

Новая русская хореография

Премьера одноактных балетов в Большом театре

В Большом театре состоялись долгожданные премьеры одноактных балетов. Старая практика неожиданного ввода спектаклей в репертуар (некогда в Большом на скромности появился Баланчин, потом еще более внезапно Роббинс) продолжает существовать, отметая наступающую с Запада политику долгосрочного планирования. Сегодня на афише соединились три имени наших соотечественников – Поклитару, Посохов, Ратманский.

Только в декабре широкие слои московской публики открыли для себя Поклитару с его "Ромео и Джульеттой" в январе хореограф – уже в контексте "Палаты № 6". Кто знал, что Поклитару все это время бегал в драматические театры Москвы, Кишинева, Минска и думал о синтетическом спектакле с настоящими словами и без обычного танца? Никто не знал, просто удачно совпали чаяния – желание музыкального руководителя театра Александра Ведерникова услышать музыку Пярта в стенах Большого, мечта Поклитару поставить "Палату" на эту музыку и предложение Ратманского – стать одним из трех в майской премьере. Раду работал очень качественно: начал в марте, тщательно подобрал составы, никого не обделил на репетициях, а к первым числам мая чемпионом вчера закончил балет, оставляя художникам достойный простор для работы. Давно в Большом не выпускали такой совершенной продукции, когда во время прогонов ничего не падает, не заедает, никто не путается в тряпках (Анна Ильинская придумала асимметричные костюмы для всех исполнителей: например на Докторе спреди – сюртук, а сзади – халат). Техническое качество плавно перетекло в художественное. Артистам удалось передать чеховские мотивы, но так уж исторически происходит сюжетами русской литературы на балетной сцене – Пушкин смешивается с Достоевским и Чеховым, а Чехов – с Гоголем и Толстым. Оба Доктора по-разному мастерски сделаны Юрием Клевцовым и Александром Петуховым как две ипостаси самого Чехова: игровой писатель и циничный атеист Антоша Чехонте и пожилой мудрый, хрестоматийно привычный Чехов-врач (Петухов). Почтмейстеры вышли из мира Гоголя, особенно молодой Егор Симачев, который в любом спектакле Большого остается характерным персонажем из русской классики XIX века. На "Палате" лежала двойная ответственность – мировой премьеры и первой премьеры вечера. Либо примут, либо встанут и уйдут. Но даже те, кто не увлекла пластическая пантомима Поклитару, были не в силах оторваться от сценической механики, сконструированной Андреем Злобиным от "колокольчиков" Арво Пярта и чудесного света, плавно меняющегося в диалазоне от желтого до фиолетового.

"Палата" задала серьезный драматический тон премьере, "Магриттомания" Юрия Посохова удовлетворила страсти балетоманов по чистому танцу. Сбежавший от однообразия геройческого репертуара Боль-

Сцена из спектакля "Магриттомания"

шого, Посохов стащевал вне родных стен все, что может артист поклоняться. Три года назад он позволил себе увлечься картинами сюрреалиста Рене Магритта, перенес его образы в свой балет и сегодня показал это в Москве с артистами Большого. Воспитанный в тоталитарной стране, выученный легендарным Пестовыми, Посохов отрекся от прошлого и поставил спектакль, очищенный от русско-советской эстетики. Типичный босс, запыхавшиеся клерки, конторские посыльные, в сюрреалистическом углу переставшие восприниматься как таковые – у них во рту воздушные шарики (они же зеленые яблоки). Первая мировая, переломный 1927, гитлеризм с его военными заводами – и мужчины забыли лица женщин, а женщины стерлись как класс. Солист (Дмитрий Белоголовцев) танцует с партнершей виртуозный дуэт под фонарем, не видя ее лица – она закрыто платком, как и его собственное. Балерина лишена своего главного орудия – портфеля, так как у этого женского персонажа по замыслу Магритта нет одной руки. Ультраскоростная постмодернистка Шипулина блеснула здесь очень ярко, после успехов в Баланчине точно очертив свой балеринский репертуар неоклассикой и современной пластикой. Довольно уверенно танцевал кордебалет, хотя артистам еще предстоит шлифовать скорость и синхронность в темповых ритмах. Переход к европейской "Леа" Бернштайн был безболезненным для уха зрителя, так как Красавин по заказу спонсоров американского спектакля вступил в музыку Бетховена несколько европейских мелодий, под которые вертелись на бешеною скорости любимицы зрителей Денис Медведев, Ян Годовский и другие. Зал рукоплескал, как после "Дон Кихота".

В новой версии "Леа" Ратманский еще ближе подошел к вахтанговскому шедевру, через который в 20-е го-

тазами воелившегося в нее духа. После спектакля Грачевой легко верится, что в старину балерины после запредельного акта "Жизели" по часу лежали на полу гимнурной не в состоянии пошевелиться. Совсем другой традиции следует Мария Александрова – ее переживания заключены в театральный гротеск, в вахтанговское преувеличение, когда измеряется не сила страсти, а сила актерского перевоплощения. Если бы не виртуозные ноги, Машу никто бы не узнал под фантастическим коричнево-фиолетовым гримом. Хананы соответствовали своим Леям Презирающий грим как театральную фикцию Сергей Филин равнодушно становился еврейского принца, прямолинейного в своих желаниях. Чувствительный ко всему этническому Дмитрий Щуров сосредоточился на аксессуарах – подчеркнул костюмом худобу нищего ученика ашибботы, усилил мистицизм контрастным двухцветным примом. Филина интересовал результат – поиск нужной формулы и обладание Леей, Щурова волновал процесс, обряд, тайна цифр, душа Леи. Его еврейский Ханан сблизился с русским литературным персонажем – семинаристом Алексеем Карамазовым, равно фанатичным и сомневающимся. В третьем спектакле выйдет Мария Аллаша и покажет еще одну Лею – на репетициях потрявшую своего Ханана (накануне премьеры получил травму Александр Волчков). "Леа" – единственный за весь вечер балет, где женская тема получает хоть какое-то развитие, пусть даже такое печальное. Во всем остальном царят чистый мужской танец.

Екатерина БЕЛЯЕВА
Фото Антуана РОССА

Сцена из спектакля "Леа"